

Александр Омелаев

**Сотворить
судьбу.**

**Мемуары автора
серии Сиф**

Сиф

Александр Омелаев

**Сотворить судьбу.
Мемуары автора серии Сиф**

«Автор»

2026

Омелаев А.

Сотворить судьбу. Мемуары автора серии Сиф / А. Омелаев — «Автор», 2026 — (Сиф)

Эта книга не просто биография парня, родившегося победной весной 1945г.

Главным её героем является сама страна второй половины XX века, в период наивысшего расцвета, «развитого социализма» и, одновременно на пороге заката великой Империи СССР. Через серию ярких, захватывающих эпизодов из реальной жизни показана подлинная изнанка советской страны. Как рождалась мечта в глухой сибирской деревушке и как гагаринское «Поехали» меняло судьбы миллионов. Как учились и закаляли свой характер студенты КАИ в парашютных прыжках, в полётах на планерах, самолётах, на гонках мотокросса, в центрах ДСААФ, доступных каждому, и как вершилась оборонная наука в АН СССР на скоростях от трансзвука до гиперзвука. Это книга о том, как жила огромная страна, к чему стремились люди, как работали, что их радовало, а что огорчало, и как государство то помогая, то безжалостно ломая судьбы — ковала человека той эпохи. Уникальное свидетельство из первых уст для всех, кто хочет понять мир, которого больше нет.

© Омелаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сотворить судьбу. Мемуары автора серии Сиф

Глава

Александр Омелаев

Сотворить судьбу. Мемуары автора серии Сиф.

«Никогда не переставай задавать вопросы»

Альберт Эйнштейн

Оглавление

1. Предисловие автора 3
2. Истоки судьбы 4
3. Несколько эпизодов из детства 6
4. Этюды из научной биографии 19
 - Гиперзвуковая труба
 - Главный инженер СКБ
 - Небожители в спортзале
 - Таракан Марчука
 - Международный протокол
 - Модуль да не тот
 - База флота СКБ в Севастополе
 - В гостях у Легенды
 - Рыбное дело СССР
 - Криогенный вызов трансзвуку
 - Криогенный тупик и импульсный прорыв
5. Эпизоды из жизни от Сталина до Путина 46
 - КАИ
 - Урок политэкономии от старого мастера
 - Мой друг Борис Ракитин
 - Модель, но не самолёта
 - Окончание истории с немецким языком
 - Трудно обучаемые курсанты
 - Зайцем в Москву
 - Ася
 - Несостоявшийся жених
 - На плоту по Бие с Сашей Щербаковым
 - Путешествие на Диксон
 - Корыта для свиней из брони
 - Абракадабра, арба или самоходный бункер накопитель
 - Мечты, планы и реальность
 - Встречи со Шварценеггером
 - Газировка или шок для беременных

- Посадка Ту – 104 на Бердский луг
- Мои пароходы
- Капитализм и кают-компания из красного дерева
- Голые немцы в запретной зоне
- Сбитый Боинг
- Последняя встреча с Ракитиным
- Советская медицина
- Кузькина мать
- Независимость Молдавии от Сибири
- Хадыжи и удивительная встреча
- Удивительное рядом
- Очевидное или невероятное
- 6. Мои родители 123
- 7. Послесловие из Геленджика 128
- 8. Заключение 133
- 9. Обращение к читателю 136
- 10. Фотогалерея 138

1. Предисловие автора.

Дорогой читатель!

Перед вами книга об ушедшем мире. О великой, противоречивой и уникальной научно-технической империи второй половины XX века - СССР, в которой мне посчастливилось жить, мечтать и работать в качестве научного сотрудника в легендарном новосибирском Академгородке.

Сегодня, спустя десятилетия после крушения Советского Союза, историки и политики продолжают спорить о причинах этой геополитической катастрофы. Кто-то видит в этом козни внешних врагов, кто-то — предательство элит. Для меня же, как для инженера, привыкшего доверять законам физики, логики и сопромата, причины распада страны всегда крылись в её внутренней конструкции. В её «усталости металла», которую мы, люди дела, кожей ощущали на заводах, в кулуарах институтов и на испытательных полигонах задолго до декабря 1991 года.

Эта книга — моя попытка показать анатомию советского строя не через сухие цифры докладов Госплана, а через живую ткань повседневной жизни, часто имевшие признаки абсурда. Советская империя была соткана из фантастических парадоксов. Мы штурмовали трансзвуковые скорости, ковали ракетный щит родины и спорили на уральских ядерных объектах о защите Земли от космических угроз. Но эта же система калечила любую личную инициативу, запрещая рабочему человеку зарабатывать больше своим честным трудом, как показал мне когда-то старый мастер на Казанском авиазаводе.

В этих воспоминаниях вы увидите, как тотальный дефицит заставлял директоров совхозов выменивать танковую броню на свинину, чтобы построить банальную свиноферму. Вы увидите ведомственную слепоту и паралич гигантских министерств, где вопросы на миллионы инвалютных рублей решались по-дружески (или по связям и блату), «на ты» с министром финансов, в то время как на местах оперативники КГБ уводили в наручниках очередных подпольных миллионеров - «рыбных баронов». Вы прочувствуете тот звенящий тектонический сдвиг конца августа 1991 года, когда на площади в Молдавии под рёв толпы и бокал сладкого вина рушились нерушимые союзные узы, а центральное телевидение выдавало это в эфир как новую реальность.

Великая научно-техническая цивилизация СССР оставила нам в наследство космос, атомоходы и тихие сосны Академгородка. Но она пала, потому что её экономический и человеческий фундамент и инициатива был искусственно скован догмами и бюрократией. Оглядываясь

назад, я хочу, чтобы мои дети, внуки и будущие поколения понимали: империю разрушили не внешние бури. Она рухнула под тяжестью собственного системного застоя, когда критическая масса нелепостей превысила предел прочности великой страны.

2. Истоки судьбы.

Судьба большинства людей похожа на тихую равнинную реку: течение несёт их мимо берегов, и они покорно следуют изгибам русла. Но рождённые весной 1945 года, в момент великого перелома истории, обладали особым внутренним компасом. Они не плыли по течению — они сами прокладывали своё жизненное русло.

Эта книга — история о том, как упрямая мечта, зародившаяся у простого парня в глухой сибирской деревушке, взломала рамки привычной реальности и дотянулась до гиперзвуковых скоростей и космических высот.

Как формировался этот характер? Что помогло деревенскому парнишке без связей и привилегий стать творцом собственной жизни? Ответ кроется в этапах становления его характера, каждый из которых был сознательным выбором вектора развития духа и силы.

Всё началось там, где бурное течение алтайской реки Чарыш спорило с вековой тишиной сибирской тайги. С раннего детства во мне жила необъяснимая, почти яростная жажда познания. Пока сверстники довольствовались привычными деревенскими играми, меня неудержимо тянуло за горизонт. Повышенная активность и рискованный, авантюрный характер были не просто баловством или упрямством — это был мой манифест познания окружающего мира.

Лёжа на сеновале в тишине сибирской ночи, вдыхая пьянящий аромат сухих трав, я смотрел на мигающие мириады далёких звёзд. В эти моменты, с замиранием сердца, через страницы книг Фенимора Купера, Джека Лондона и Жюль Верна, я обретал свои первые жизненные принципы. Герои этих книг показывали мне главное: окружающий меня мир безумно интересен, огромен, опасен, но абсолютно покоряем, если у тебя есть смелость бросить ему вызов.

Вводя мечту в русло реальности, в двенадцать лет я совершаю свой первый осознанный шаг вопреки обстоятельствам. В глухой деревушке, где не было ни специализированных кружков, ни чертежей, из подручных материалов строю свою первую модель самолёта. Момент, когда эта хрупкая конструкция оторвалась от алтайской земли и взмыла в бездонное голубое небо, изменил всё. Это был не просто запуск игрушки — это был первый акт творения собственной судьбы. Мне стало понятно, что кажется невозможным, можно материализовать своими мыслями и собственными руками. С этого дня моё сердце навсегда осталось в небе. А когда в 1961 году планету потряс гагаринский крик «Поехали!», провинциального неба мне стало мало — мой взор обратился к космосу.

Поступление в Казанский авиационный институт (КАИ) стало логичным шагом человека, который точно знал, чего хочет. Я пришёл туда не робким абитуриентом, а многократным чемпионом по авиамоделизму. Но небо требовало личного, телесного присутствия, и ради этого нужно было выковать безупречное, незаурядное упорство для его покорения.

В 17 лет в Казанском ДОСААФ я делаю свой первый шаг в пустоту — первый прыжок с парашютом. Это не было весёлым приключением. Это было осознанное, жёсткое столкновение со своим первобытным страхом высоты. Шаг за борт — и победа над инстинктом самосохранения ради высшей цели. За парашютом последовал мотокросс. Это не было просто «катанием на мотоцикле» ради адреналина. Это был полигон для испытания воли, где каждый крутой вираж и риск подчинялись одной задаче — победе. Вектор был выбран верно: в двадцать лет я уже Кандидат в мастера спорта и участник Всесоюзного первенства вузов СССР.

Расширяющие горизонт первые самостоятельные полёты на планерах и спортивных самолётах закрепили этот успех. Тот, кто хоть раз оставался один на один с ревущим мотором и бездной под крылом, знает: в кабине нет места сомнениям. Осваивая экстремальные виды

спорта, я сознательно искал эти опасные точки на грани, воспитывая в себе мужчину, готового к космическим нагрузкам.

Самый жестокий, разрывающий душу экзамен судьба приготовила мне на самом взлёте. Когда цель была так близка, железный, безжалостный вердикт медицинских комиссий навсегда захлопнул передо мной люк космического корабля. Медики меня приземлили своим вердиктом. Это был момент острейшего эмоционального излома. Рухнуло то, ради чего преодолевался страх в небе, ради чего выжимался максимум на трассах мотокросса, ради чего отдавались все силы. Для сотен других это стало бы финалом — поводом сломаться или покорно поплыть по течению, обижаясь на весь мир. Но именно в этой точке отчаяния мне пришлось проявить все воспитанные мной внутренние силы духа. Я отказался признать поражение. Если моему телу закрыли доступ к звёздам, туда прорвётся мой разум. Не можешь лететь сам — сделай так, чтобы летали другие. Вместо того чтобы сдаться, я перенаправил всю накопленную, свою энергию в науку.

Три десятилетия работы в Академии наук СССР стали триумфом интеллекта и воли. Работая на переднем крае человеческого прогресса, я по сути ежедневно штурмовал невидимые границы, заставляя технику и человеческую мысль преодолевать звуковой барьер, уходить в трансзвук, гиперзвук и, наконец, прорываться в космос. Каждое научное достижение, защищённая диссертация, каждый успешный расчёт и эксперимент были и моей маленькой личной победой над земным притяжением.

1992 год. Но самый главный, экзистенциальный вызов ждал меня впереди. С грохотом рушится великая империя. Вместе с Советским Союзом распадается и АН СССР. Финансирование прекращается в одночасье. Всё остановилось. Вчерашние светила науки, профессора, талантливые студенты и преданные сотрудники оказались выброшены на обочину жизни без средств существования. Система предала тех, кто создавал её величие.

В этот критический момент мне пришлось принимать нестандартное, и рискованное решение. Действуя вопреки всеобщему хаосу, параличу власти и страху, пустив в ход все свои научные связи, репутацию и всю накопленную сибирскую энергию, я создаю научно-производственную фирму — АО «АВАКС».

Это не был бизнес ради наживы. Это была спасательная операция. Благодаря «АВАКСу» студенты и сотрудники получают не просто работу, а реальные деньги для выживания, сохранив своё человеческое и профессиональное достоинство в те лихие годы. Однако живая инициатива, самостоятельность и наш успех встали поперёк горла партийным и научным чиновникам, перекрасившимся в новых управленцев. Человек, который решает проблемы сам и ведёт за собой людей, подрывал их авторитет и ранг. Началось подспудное, но яростное давление закоренелой номенклатуры. К 1995 году, поставленные перед выбором, мы совершаем ещё один крутой маневр — мы уходим из Академии. Уходим не побежденными, а свободными. Пришлось полностью уйти в бизнес, чтобы своими руками, с нуля, поднимать и заново отстраивать разрушенную экономику страны на новых рельсах. Это был рискованный и в то время даже опасный шаг. Но это был шаг истинного созидания.

Сегодня, находясь на девятом десятке лет, оглядываясь назад на свою историю жизни — я вижу это пространное многолетнее полотно своей судьбы, сотканное из дерзости, труда и верности детской мечте. И теперь, когда реальные скорости укрощены, все запланированные вехи этапов остались позади, пришло время для последнего, самого удивительного путешествия.

Я решил, когда-то придуманные на сеновале в детстве свои фантастические истории изложить в семи приключенческих фантастических книгах, возвращаясь к истокам своей длинной жизни. В этих произведениях сотворается новая судьба — теперь уже из чистой магии иллюзий и воспоминаний юности, приглашая читателя взлететь вместе с героями этих приключений.

3. Несколько эпизодов из детства.

Краткая автобиография. Родился в марте 1945г. В сибирском селе Ребриха, Алтайского края. В 1946 году семья переехала в посёлок Тальменка. В 1952 г. пошёл в школу, так как с 5 лет уже и читал, и писал, в школе было скучно и не интересно. Отец, Омелаев Иван Александрович, работал преподавателем в школе механизации сельского хозяйства, мать, Анна Гавриловна работала инструктором в райкоме КПСС. В 1949 году родился брат Сергей, отец привез свою тетю Наталью Семеновну, которая и ухаживала за младшим братом. Я был совершенно свободен от опеки бабушки Наташи и родителей. Покормить корову, свиней, курей, убрать навоз после коровы в стойке, наносить из колодца 10 – 20 ведер воды – и я свободен как птица, благо уроков я практически не делал. Иногда ходил с бабушкой торговать картошкой с мало-сольными огурцами на вокзал. Зимой собирал в лесу, который был совсем рядом, сосновые шишки и сдавал их в лесхоз. Так я зарабатывал свои первые деньги. Именно там, в лесу, сидя на дереве, в марте 1953 года я услышал гудки паровозов и заводов, гудевших по поводу траура по умершему диктатору – Сталину. Жили не голодно, но очень бедно. Иногда мне не выдавали обувь и штаны для выхода на улицу, так как родители берегли их для походов в школу.

В 1956 году отец закончил с/х институт в Новосибирске, и мы переехали в село Шарчино Алтайского края. Отец – директор МТС (машинотракторная станция), мать – инструктор райкома КПС, я – школьник 4 класса. Здесь я далее развернул свою личную трудовую деятельность. Мне подарили лобзик, он стал источником моего заработка. Мои поделки в виде рамок для доски почета покупал РК КПСС, Райисполком и школа, а вазы из фанеры для печенья и конфет – дарил соседям и знакомым родителей. Летом ловили сусликов и сдавали шкурки, а также мы с друзьями ходили по домам жителей и продавали книги от книжного магазина.

1958 год – мы в Бийске (бывший женский монастырь), 6 класс –школа в деревне Угренёвка – 7 км от дома, 8-10 классы –школа в Бийске – 12 км от дома, чаще всего пешком, иногда на попутных машинах. Зимой через Бию по льду, а дальше 0,5 часа на автобусе (ужасно холодном).

1957 год. Я определился с будущей профессией – авиация. Мой дядя из командировки привёз набор для изготовления резиномоторной модели самолёта. Несколько дней я корпел над её сборкой, и вот она готова, первая моя модель. На её запуски сбегались дети и взрослые с пол деревни.

1958 год. 7 класс – учился в с. Чарышское и жил в семье дяди – брата мамы. Вот там, в селе Чарышское, в горах, на берегу горной реки Чарыш я прожил самый интересный год из своей школьной жизни. Походы на охоту и рыбалку, игры с друзьями в горах и на реке. Дядя Вася работал главным редактором районной газеты и был заядлым охотником и рыболовом. На чердаке нашего дома висели окорока лосятины, козлятины, мороженные и вяленые таймени и хариусы. Имелась куча оружия, патронов и взрывчатки.

1959 год. Я вернулся домой, в город Бийск. Рядом со школой (№3) – Дом Пионеров, а там авиамодельный кружок во главе с Александром Алексеевичем Ананьевым, отслужившим срочную службу в ВВС стрелком кормовой пушки ИЛ-28. Он был фанатично предан авиации, авиамоделизму и нам, молодым пацанам, поверившим ему. Наша команда всегда завоевывала в крае призовые места, а я стал трехкратным чемпионом края в классе таймерных моделей с микродвигателями внутреннего сгорания. С этим багажом я и уехал поступать в КАИ, который окончил в 1968 г. по специальности “Стратегические баллистические ракеты и космические аппараты”.

Далее Академгородок города Новосибирска, защита диссертации.

С конца 1980 создание нескольких кооперативов, затем целый ряд фирм, в том числе ООО «АВАКС» и «Сибириада». 2005 год – вышел на пенсию. С 1994 года стал посещать Геленджик, и в начале двухтысячных окончательно здесь поселился.

Главная мечта – слетать на луну, оформилась еще в 1961 году, после полёта Гагарина. Для этого занимался авиамоделлизмом, прыгал с парашютом, летал на планерах и самолетах, занимался мотокроссом. Но, уже с первых полётов, стало понятно, что медицина меня на более серьезные полеты, тем более в космос, не пропустит. Тем не менее, я работал в Академии Наук по проблемам трансзвука и гиперзвука аэрокосмических систем, всегда был рядом с авиацией и космонавтикой, мне это нравилось, жил я разносторонней творческой жизнью и мне абсолютно не о чем жалеть. Жизнь моя была и есть, прекрасна и удивительна.

1946 год. Мы живём в посёлке Тальменка в небольшой комнате барака, с большой общей кухней. Здесь обитают преподаватели школы механизации сельского хозяйства, где работает и мой отец. Мне, по-видимому, около года. Мы на кухне. Я нетвёрдо стою на ногах и держусь за мамины колени. Она сидит на стуле, придерживая меня тёплыми руками, напротив, очень, очень далеко сидит тётя Граня. Она улыбается и протягивая ко мне руки, зовёт к себе. Мне страшно сделать даже первый шаг и оторваться от маминых рук. Тётя Граня очень далеко, но я пересилив страх делаю первый шаг, остановился, вроде устоял, успокоился и быстро-быстро зателепал к рукам тёти Грани, не дойдя несколько шагов до неё, потерял равновесие и начал падать прямо в её руки... Это первый фрагмент моей жизни, который у меня сохранился в памяти.

1949 год. Роддом в рабочем посёлке Тальменка. Я с дедушкой Гаврилом Васильевичем Бловацким, отцом моей мамы, стою в начале длинного коридора. Там, вдали открывается дверь и к нам идёт тётя в белом халате со свёртком на руках. Она подходит и передаёт мне на руки этот свёрток, дедушка придерживает мои руки. Я знал, что это мой братик, которого принёс аист маме сюда в больницу, где она лечилась, это мне рассказал папа утром, уходя на работу... Это второй эпизод, который я помню. После этого, воспоминания, хоть и фрагментарно, но последовательно охватывают всю мою жизнь до сегодняшнего дня.

1949-1952 год. Перед рождением брата Серёжи, отец купил дом по адресу ул. Партизанская дом 18. Привёз бабушку Наталью, сестру дедушки Александра Семёновича Омилаева. Я помню этот переезд. Все взрослые были заняты на работе или моим братом, а я был совершенно свободен в выборе своего времени и места. В большом соседском доме жили баптисты, у которых иногда по вечерам собиралось много их единомышленников. Для этих встреч у них была большая комната в виде зрительного зала со сценой. Я подружился с их сыном, который был старше меня на 3-4 года. С четырёх лет и до школы я очень часто был у него. Он читал мне сказки и свои учебники от первого до третьего класса. Постепенно я и сам стал читать и писать вместе с ним. Мама (она это мне рассказывала много позже) однажды очень удивилась, когда я, идя с ней по посёлку стал читать вывески лозунгов на домах. В СССР все центральные улицы поселений и городов были увешаны лозунгами типа: нард и партия-едины; слава КПСС; мы придём к победе коммунистического труда; решения съезда в жизнь; животноводство-ударный фронт; всё лучшее детям; мир, труд, май; партия наш рулевой; Ленин – живее всех живых; и тому подобная реклама, ведь телевизора не было, а лозунги были - это и была политическая реклама того времени. Поняв, что я умею читать и писать, она записала меня в библиотеку, в которую я регулярно ходил с пяти лет.

1953 год. На нашей улице не было электричества, было только радио. У нас дома на стене висела бумажная «тарелка», как её все тогда называли, и шипя и потрескивая в шесть часов утра из неё раздавался гимн СССР, а затем до 10 часов вечера передавали новости вперемежку с художественными спектаклями и просто музыку, в большей части бравурные марши. Я часто слушал эти спектакли, записанные в каком-то театре, иногда мне некоторые очень нравились, и я ждал продолжения. В 10 часов вечера, после проигрывания гимна радио замолкало, видимо предлагалось всем идти спать. Однажды на нашу улицу пришли рабочие с лопатами и начали по обочине дороги копать глубокие ямы, и мы пацаны, считая, что это окопы,

стали в них играть в войну. Но скоро нас из них выгнали и стали устанавливать столбы. К нам, оказывается, пришло электричество. У нас в доме повесили одну лампочку и установили одну розетку. Время, когда мы вечером читали, делали уроки или ужинали при керосиновой лампе почти закончилось. Электричество нам правда включали в шесть утра, а выключали в десять вечера, поэтому лампой мы всё равно часто пользовались, когда не успевали все дела сделать в установленный властями нам срок. Правда керосина нам стали продавать на руки меньше, и приходилось его экономить. Тем не менее к нам пришла цивилизация. Зачем нам поставили электрическую розетку, я не понимал, так как ничего, что можно было бы в неё воткнуть у нас не было до самого отъезда в Шарчино в 1956 году.

1953 год. Сижу на ветке большой сосны в лесу, не далеко от дома. Собираю шишки, которые принимают в лесхозе за деньги, примерно 1 копейка за килограмм. Для меня это большие деньги, булка чёрного ржаного хлеба стоила 12 копеек. Конечно меня интересовала не покупка хлеба, хотя вдосталь я его не ел. У меня был план купить фонарик, какие были у разведчиков на войне, с тремя цветными стёклами и батарейку к нему. За один поход в лес я набирал примерно 4-5 килограмм шишек, при этом почти треть из них браковали при приёмке. Вдруг со стороны посёлка раздаётся многоголосые гудки заводов и паровозов, у нас на станции размещалось большое депо паровозов. От неожиданности я свалился с сосны в большой сугроб, благо не с большой высоты. Рассыпав собранные шишки, я скачками по высоким сугробам, иногда падая и с головой зарываясь в снег, помчался домой, считая, что началась война. Дома была одна бабушка с маленьким братом Серёжкой. Она, плача, объяснила мне, что только что по радио объявили о смерти Сталина. Я успокоился, подумав, что это намного лучше, чем начало новой войны. Быстро собрался и пошёл в школу ко второй смене. В школе творилась какая-то чехарда. Учителя бегали по коридору, утирая слёзы и загоняя учеников в классы, мы же, толпясь и выглядывая из дверей, глазели на необычное поведение наших мэтров. Затем раздался голос директора о построении на школьную линейку. К такому построению мы были уже приучены. Раз пять в учебном году нас строили на такую линейку, хотя почему она называлась линейкой никто из нас не знал. Наконец все успокоились, заняв каждый своё место на построении. Хотя все учителя бегали туда-сюда, было необычно тихо. Директор, фронтовик (почти все мужчины учителя были на войне) вышел перед нами, и что-то попытался сказать, но затем достав платок, вытер глаза и ушёл. За тем вышла завуч, повторилось тоже самое. Мы озадаченные таким поведением взрослых тихо стоим. Через несколько минут к нам из учительской вышел физрук и сказал, что занятия отменяются и мы можем идти домой. С радостными возгласами мы разбежались по классам, забрали сумки и портфели, и рванули домой, пока учителя не передумали. Вечером родители допоздна сидели у керосиновой лампы и о чём-то тихо шептались. Так произошла первая смена диктатора моей страны, пришёл следующий. Его звали Маленков Георгий Максимилианович. Но он продержался совсем не долго, дней через десять мы узнали имя следующего, это был Хрущёв Никита Сергеевич. Сейчас мы знаем, что приемниками Сталина считали Лаврентия Берия и Жданова, но последний скоропостижно умер, как это часто бывает в верхних эшелонах власти диктаторских режимов, а против Берии ополчились почти все члены политбюро, и с помощью Жукова арестовали его, а затем быстро расстреляли. Помню, что ещё долго после ареста Берии, мы на улице слышали и сами озвучивали детскую кричалку: «Берия, Берия, вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков».

1956-1957 годы. Мы живём в селе Шарчино. Отец директор МТС, мама работает в райкоме партии инструктором. Её обязанности заключались в том, что она по заданию первого секретаря, а это был единовластный диктатор в своём районе, объезжала директоров колхозов и совхозов и давала указания почти по всем вопросам жизни деревни: когда начинать и заканчивать пахать, сеять, убирать урожай, косить сено и вообще, как устроить весь распорядок жизни в каждой деревне. Единственным возможным средством транспорта по району

была конная повозка, летом телега, зимой сани. Уезжала она очень рано, а домой возвращалась поздно, уже затемно. Часто её не было и в выходные. Папина контора МТС была недалеко от нашего дома, и мы видели его чаще, особенно зимой, когда работа в селе почти замирала. Летом он очень часто брал нас с братом с собой, и мы возили его по полевым дорогам, если это можно было назвать дорогами, поочерёдно с Серёжкой руля газиком.

1958 год. С января по март я живу в Ребрихе у дедушки с бабушкой и недолго учусь в школе в шестом классе. Здесь в этой школе я впервые, пожалуй, единственный раз за все школьные годы, встретился с учителем от бога. Он преподавал труд, и своим талантом и харизмой просто очаровывал учеников. Он прошёл всю войну радистом-разведчиком и в дополнение к обязательным урокам труда, где нам, мальчишкам прививали основы работы с разными инструментами от топора до токарного станка, он после уроков вёл занятия дополнительно для желающих по знанию и умению передавать и принимать сообщения азбукой Морзе по рации. Желающих у него учиться на радиста и азбуке Морзе не было отбоя. Но я, каким-то образом в его группу попал и три месяца, пока не уехал в Бийск, ходил с огромным интересом на его занятия. Цифры и буквы азбуки Морзе он учил нас принимать и передавать, не считая точки и тире, а слушая оригинальные напевы каждой буквы и цифры. До сих пор помню несколько напевов: «я. на. го-рку-шла-цифра 2; цып. лё. нок. ду-тый-цифра 3», а прошло почти 70 лет! Вот таких учителей нам бы сейчас в школы, да и в вузы, а вообще-то везде у нас не хватает таких одарённых и увлечённых своим делом профессионалов.

1958-1962 годы. Город Бийск, женский монастырь на берегу реки Бии, в десяти километрах вверх по течению Бии. Здесь до революции был действительно женский монастырь. В сохранившихся до сих пор его кирпичных двухэтажных зданиях размещалось Училище механизаторов сельского хозяйства, директором которого был мой отец. Место было очень живописное. На небольшой, в несколько десятков гектаров площади в излучине реки, под очень высоким обрывистым берегом, окружённый садами, высаженными ещё монашками, прочно стояли три двухэтажных кирпичных здания дореволюционной постройки: общежитие девочек, общежитие мальчиков и учебный корпус. В центре между ними высился облезлый памятник Сталину, который позже, то ли сам, то ли с помощью кого то, окончательно развалился. В стороне от этих зданий, под обрывом ютились два десятка старых и с десятков новых небольших деревянных домиков, в которых жили сотрудники училища.

Новое место жительства, новый дом, новые соседи, новые друзья и товарищи по улице, с новым укладом обитания и менталитета. Я имел уже богатый опыт смены места пребывания, и это не было для меня проблемой. Но до этого переезда я всегда приезжал в довольно глухие и достаточно оторванные от цивилизации деревни. Например, село Шарчино расположено в шестидесяти километрах от станции железной дороги и никаких дорог до него не было, только полевые просёлки непроезжие в дождь или зимой в метель. До открытия там МТС в деревне и машин то не было, только может был ГАЗИК у первого секретаря райкома, а весь транспорт для населения ограничивался конным и старым гусеничным трактором с деревянными санями, которые он таскал на станцию Топчиха и летом в грязь и зимой по сугробам, когда даже на конной тяге было не проехать. Но здесь жители хотябы слышали, что где-то ездят по железным рельсам паровозы, некоторые их даже видели на близлежащей станции, а вот в селе Чарышское, за двести километров до паровозов, дети их ни разу живём и не видели. В этот же раз, всё было наоборот, я приехал из глуши, почти в город, для Сибири не маленький. Но и в этот раз адаптация прошла успешно, дворовый коллектив принял меня без каких-либо претензий и условий и уже через неделю-две он возложил на меня бремя лидерства. Хотя был среди нашей компании один недовольный парень, Саша Суртаев, мой одноклассник, который похож был до меня главарём всей монастырской подворотни. Дело было в том, что до меня все его звали Сашкой, а когда появился я, то Сашкой с первого дня почему-то стали звать меня, а его Шуркой. Мне было всё равно как меня будут звать, тем более мама меня иногда в хорошем

расположении духа тоже звала Шуриком, а ему это имя не понравилось. Сначала он попытался силой кулаков восстановить статус своего прежнего имени, но это многим не понравилось и на всеобщем сходе решили, что это нужно решать мирно, врагов у нас и так хватает внешних. Промзоновские и Малоугренёвские постоянно пытались силой оспорить лидирующие позиции нашей монастырской братвы. На общем сходе приняли единогласно, что Сашкой будет тот, кто большее число раз выжмет одной рукой гирию в двадцать килограмм. Такие гири, а это были прямоугольной формы противовесы с жатки прицепного комбайна Сталинец-6, применялись в домашних хозяйствах как наковальня и имелись почти в каждом дворе. Такая гирия оказалась, каким-то образом и в моём хозяйстве дома на Тельмана, она видимо и инициировала эти воспоминания о Суртаеве. Дали нам месяц на подготовку и тренировку. Через месяц я подтвердил свой статус имени Сашка, выжав гирию двадцать раз, мой оппонент отстал совсем немного. С тех пор у нас и в речном училище, которое он закончил в Новосибирске после седьмого класса, и позднее, когда он работал матросом-рулевым теплохода на озере Телецкое где и погиб в шторм поздней осенью, не дожив до тридцати лет, звали его только Шуркой. Надо сказать, что после тех соревнований за имя, мы с ним стали близкими друзьями и когда он решил, что в школе в восьмом классе ему делать нечего из-за плохой успеваемости и он пойдёт учиться дальше в речное, я тоже решил туда с ним идти за компанию, правда уже в училище-техникум, где готовили капитанов и давали среднее образование. Но у моего папы было на этот счёт другое мнение, и он его отстоял, попросив директора не отдавать мне документы из школы. Так разошлись по жизни наши с ним пути. Должен сказать, что я сильно и не настаивал, всё-таки авиация уже меня привлекала больше чем возможность путешествий в качестве капитана.

Заканчивал шестой класс в селе Малая Угренька, примерно шесть километров от нашего дома в верх по Бие. Седьмой класс заканчивал в горном селе Чарышское, расположенное на берегу реки Чарыш, а в восьмой класс уже пошёл в школу №3 в городе Бийске, которую и закончил в 1962 году.

После уроков в школе, примерно в полдень иду в Дом Пионеров, благо, это совсем рядом. Поздно вечером, в 22-23 часа выхожу домой. Идти около 12 км. По дороге за 12 копеек покупаю булку хлеба. Пока дойду до дома, я ее съем. Это мой и обед, и ужин. Далеко за полночь я дома. Тихонько ложусь спать, чтобы родители не услышали. В 6, а то и раньше – подъём. Идти в школу 12 километров.

Мои обязанности по дому были такие же, как и раньше, убрать за коровой и телёнком, а также за курами, гусями и свиньёй в стайке, наносить 10-20 вёдер воды в дом с водокачки, благо она находилась прямо напротив нашего дома. Правда добавилось необходимость пасти стадо коров нашего посёлка, которое насчитывало 40-50 коров и телят. В Тальменке и Шарчино стада были большие, по 100-300 голов и там бал штатный пастух, кто ему платил я не знаю, видимо сбрасывались хозяева скота. В Монастыре же по-видимому сами жители решили пасти скот по очереди, вот мне и выпадало примерно раз-два в летний месяц быть пастухом. Обычно нас было двое, один взрослый и один пацан, вроде меня. Работа была не трудная, и в чём-то даже познавательная. Я с интересом наблюдал за жизнью коров на свободном выпасе, их повадки и взаимодействия между собой. В конце лета жители нашего посёлка организованно ехали на заготовку сена. Училище выделяло необходимую технику, лошадей и другие вещи, для оборудования жизни и работы в полевом лагере работы на покосе. Городские власти наделяли нас луга в красивейших предгорьях Алтайских гор, примерно за 100 километров от нашего посёлка. Я до сих пор с приятным чувством вспоминаю те две-три интереснейших, насыщенных приключениями недели жизни и работы на этих покосах. Жили в огромной армейской палатке, повариха готовила еду на костре, а я освоил верховую езду на лошадях, таская волокушей копны уже высушенной травы в одну большую кучу из которой мужики складывали сено в огромный стог. Иногда работал на конных граблях и даже на конной косилке.

1957 год. Отца наградили орденом Знак почёта и премией ВДНХ СССР в виде мотоцикла М-72 с коляской (За освоение целинных и залежных земель). Но когда мотоцикл с эмблемой ВДНХ на переднем крыле прибыл, оказался К-125, маленький и без коляски. Естественно, он стал моим, время в пути до школы летом сильно сократилось. Гонял я на этом мотоцикле до окончания школы, после чего уехал в Казань, поступать в КАИ. Благодаря этому опыту, я уже на втором курсе начал заниматься мотокроссом. Через год я уже участвовал в межрегиональных и союзных соревнованиях по мотокроссу, а в КАИ преподавал вождение мотоцикла для сотрудников института, желавших сдать на права по вождению мотоцикла. На мотоцикле мне было проще и быстрее добираться до загородного аэродрома, где мы прыгали с парашютом и летали на планерах и самолетах.

1958 год. Начитавшись в раннем детстве о приключениях героев книг таких выдающихся авторов как Фенимора Купер, Джек Лондон, Жюль Верн, Марк Твен, Алексей Толстой и других подобных, я, имея в полном распоряжении мотоцикл, конечно не мог не задуматься об интересном путешествии в далёкие края. Понимая, что родители не дадут мне такого разрешения, тем более, что и прав на управление то у меня не было, я решил пуститься в далёкий путь тайно от всех. И вот однажды летом я встал пораньше и отправился в путешествие. Для солидности и внешнего антуража одел форменную тужурку и фуражку нашего училища, в котомку положил ломоть хлеба и бутылку молока. Мой путь лежал из Бийска в Барнаул, а далее, проехав по центру всю столицу Алтайского края, я планировал доехать до моего родного села Ребриха, где жили дедушка с бабушкой. Весь путь по карте составлял примерно 230 километров. Конечно в Ребрихе я часто бывал летом, но добирались мы туда-либо на поезде, либо из Шарчино на папином ГАЗ-69, где было всего 45 километров дороги, вернее бездорожья. По этим полевым просёлкам ехали мы, если не было дождя 3-4 часа, а если дождь, то бывало и весь световой день. В данном путешествии найти дорогу мне помогла карта. Как ни странно, к вечеру я уже был на месте у дедушки с бабушкой, которые изумились, увидев меня на мотоцикле у своих ворот. Правда перед самым постом ГАИ на берегу Оби на въезде в Барнаул, у меня заглох мотор, и я с перепугу, на глазах гаишников стал, не разобравшись с причиной, разбирать мотор. Сняв головку и цилиндр и увидев, что там всё в порядке, я успокоился, всё быстро собрал и нашёл, что у меня просто соскочил провод со свечи зажигания. Всё это я делал быстро под начавшимся дождём и любопытными взглядами гаишников. Гордо задрал голову, я проехал мимо них и въехал в город. Как я в городе нашёл дорогу на выезд в сторону Ребрихи, загадка для меня до сих пор. Обратная дорога для меня была не так проста и приятна. На выезде из Барнаула пошёл дождь, а дороги там до Бийска не было, от слова совсем. Там была просто полевая дорога не только без щебня, но и полотна не было, просто укатанный чернозём. Ехать на ней на мотоцикле, да ещё в дождь, просто невозможно, и я вынужден был заночевать в поле, в дождь. Да и учитывая мои попытки всё-таки ехать по этой слизи у меня кончился бензин. Увидев в стороне на поле комбайн, я разместился на ночь под ним, а утром продрогший и мокрый, я, сняв с мотоцикла бензобак, сцедил в него бензин из бачка пускача и поехал дальше по чуть-чуть просохшей дороге. Трудности только возрастали, стала проскальзывать ведущая звёздочка цепи, и только натянув её чрезмерно можно было ехать, и то не сильно газуя. Кое как я к вечеру второго дня на последнем дыхании добрался до дома, где меня уже ждали разъярённые родители... Но был и приятный бонус этого путешествия. Мамина сестра работала в Ребрихе секретарём у начальника районной милиции и рассказала ему о путешествии двенадцатилетнего пацана. Он заинтересовался и попросил её привести меня к нему. Когда я узнал об этой просьбе, сердце моё ушло в пятки, ну всё, финиш, тюрьма... Но всё было не так. Расспросив меня о путешествии, он особо поинтересовался моим пробегом по Барнаулу, где были даже светофоры, которых я никогда раньше не видел. Но я уверенно ему заявил, что правила все знаю и соблюдаю. Он похоже поверил, хотя я правила знал только по рассказам дяди Саши Кожевникова, нашего соседа, который прошёл всю войну шофером, и похоже тоже никогда

правил не читал. Одним словом, отправил начальник меня сделать своё фото, а на следующий день тётя принесла мне новенькие права. Радости моей не было предела.

На зимних каникулах в 9 классе я, буквально за неделю, в мастерских училища, смастерил аэросани, с двигателем от пускача трактора ДТ-54 и лихо гонял по монастырю и льду Бии, приводя в бешенство всех местных собак. Наш сосед Дядя Саша Кожевников работал в училище старшим мастером производственного обучения и в его распоряжении были все мастерские где стояли различные станки: токарные, фрезерные, сверлильные, строгальные по металлу и по дереву, сварочное оборудование и всё другое. Он мне полностью доверял и на воскресенье, и каникулах, когда в мастерских никого не было, отдавал мне от них связку всех ключей, чем я успешно и пользовался, мастера что-либо и одновременно обучаясь работать на всех имеющихся станках. Там же в отдельном помещении стоял дизель-генератор, снабжавший наше училище электроэнергией, часто по поручению дяди Саши я утром в 6 часов его запускал. Централизованного электроснабжения у нас не было. Летом я много времени проводил, с интересом помогая ему ремонтировать многочисленную старую технику училища: трактора, комбайны и разные автомобили, такие, например, как ГАЗ-АА полуторка, ЗИС-5, ГАЗ-51 и ГАЗ-63. Там я набрался опыта на всю предстоящую жизнь. Моей постоянной обязанностью по его поручению было снабжение водой нашей общей бани училища каждую субботу. С утра я кривым стартером, электрического у него не было, заводил наш старый, но надёжный водовоз Захар - ЗИС-5, ехал к водокачке, заливал цистерну водой и отвозил её к бане, где сливал воду в её ёмкость. Правда иногда, особенно в холодную погоду, несмотря на подогрев двигателя паяльной лампой, мне не хватало сил повернуть двигатель кривым стартером, заводной ручкой, и тогда на помощь мне приходил дядя Саша. Он был высокого роста и богатырского телосложения, ему это было не трудно.

1957 год. Село Чарышское. Иду домой из школы по пыльной центральной улице. Вдруг, слышу:

- Сашка, на рыбалку хочешь? Я оглянулся. С крыльца военкомата сбегал офицер дядя Вова, военком Чарышского района, друг дяди Васи. - Конечно, встрепенулся я. - Тогда копай червей и приходи к шести на берег Чарыша.

В большой многолетней куче навоза в огороде за коровником накопил огромных дождевых червей, целую банку, и вечером был на берегу. Дядя Вова был уже там, разворачивая леску на тонком длинном удище. Нацепив на большой крючок штук 15 больших червей, закинул клубящийся комок червей в воду. Я с интересом наблюдал. Мне было непонятно – как он вытащит тайменя таким тонким удищем, не имея даже сачка? Вдруг, он закричал:

- Держи удочку, но не тяни и сильно не дергай, просто держи леску натянутой.

Передав мне удочку, забежал в воду (в броднях выше колен) и достал из-за пазухи пистолет.

- Дергай тихонечко... - Показалась спина тайменя и тут же раздался выстрел. Рыба всплыла вверх белым брюхом. Он схватил её за жабры и выволок на берег. Таймень был почти метр в длину.

- Передай тете Клаве, чтобы забежала к нам.

Вечером мы ели очень вкусное жаркое из тайменя.

1961 год. Воскресенье. Мы всей семьёй ужинаем дома, после бани, из которой только что пришли с отцом. Я потянулся за хлебом, и папа увидел у меня на тыльной стороне кисти шрамы и бородавки. Бородавки у меня появились год назад, когда я интенсивно стал заниматься авиамоделизмом и иметь дело не только с бензином, автолом и просто грязным мазутом моего мотоцикла, но и ацетоном, керосином, касторовым маслом и эфиром. Да и просто помыть руки часто было просто негде. А шрамы были следствием моих усилий вывести бородавки путём выжигания их солнечными лучами через увеличительное стекло. Раны заживали, оставляя шрамы, а на них снова вырастали бородавки. При этом, я заметил, что они стали

быстро размножаться. Их количество уже измерялось десятками. После ужина папа внимательно осмотрел мои руки, пересчитал мои бородавки, а их оказалось около пятидесяти и сказал, что нужно было ему сразу рассказать о них, потому что он знает, что нужно делать. Достав суровую нитку, которой он обычно подшивал валенки, над каждой бородавкой завязал узелок и, отдав её мне, сказал, чтобы я выбросил её в уличный туалет. Я молча, всё исполнил, и мы пошли спать. Долго не мог уснуть, думая о манипуляциях отца. Я уже был взрослым по мировоззрению человеком и твёрдо понимал, что чудес в жизни не бывает и в колдовство и знахарство не верил. Хотя знал, что моя бабушка Ефимия Омелаева, которую мы летом похоронили, была во всей округе Веселоярска, (село в Рубцовском районе Алтайского края) в котором они с дедушкой жили, известна как очень популярная знахарка. К ней со всего района приезжали простые люди со своими болячками, и она многим реально помогала. Я видел, что в сарае у них всё завешано пучками трав, которые она использовала для своих настоек. Но мне было понятно, что настойки из лечебных трав, это не колдовство, а вот папины манипуляции больше смахивали на чудеса, в которые я не мог поверить и не верил. А во что я верил, как воспринимал нашу Советскую действительность, её идеологию и реальность лозунгов о построении коммунизма в 1980 году? Пожалуй, верил, но как-то отвлечённо, ну, например, как верил в существующие космос, звёзды, небо и воздух. В них же не требуется верить, они просто есть как данность моего существования. Так и моя родина, она просто есть и вчера, и сегодня, и будет всегда, а идеология, это врождённое её правило жизни. Я был по духу – технарь и вся моя энергия жизни и мысли были направлены на это. Я гонял на мотоцикле, занимался авиамоделлизмом, учился в школе, чудил и развлекался со сверстниками и это была жизнь, полностью насыщенная моими интересами, где не было места идеологии, тем более чудесам и колдовству. Ну, а пионер-всем ребятам пример или комсомол- молодёжный передовой отряд коммунистической партии, как мы к этому относились? Да, к торжественному приёму в пионеры и в комсомол, мы относились тоже торжественно и даже с трепетом, но эта торжественность и трепет были вызваны не столько идеологическим настроем, как осознанием, что вот ты и дорос до следующей ступеньки взросления, и вступление в «члены», этому подтверждение. А галстук или комсомольский значок, это символ твоего нового местоположения в жизни.

Прошёл год. После первого семестра КАИ я приехал на зимние каникулы домой. Мы всей семьёй ужинаем, и я рассказываю о моих приключениях в Казани и учёбе в институте. Мои родители явно гордятся своим сыном, который учится в престижном вузе космического профиля, что очень популярно после недавнего полёта Гагарина. Вдруг отец, перебив меня спрашивает о судьбе моих бородавок. Я в замешательстве, о прошлогодней процедуре я давно забыл. Все смотрим на мои руки, но там чисто, ничего нет...

Много позже я нашёл одну, небольшую, мало заметную бородавку, которая мне не мешала, и я оставил её в покое. Прошло ещё 35 лет. Умер отец. И через некоторое время я заметил, что бородавка вдруг стала расти. Когда она стала очень заметной я вывел её жидким азотом в клинике моего друга Володи Чупина, которому рассказал эту историю. Мы оба были озадачены. Получается, что бородавка не росла 35 лет, пока жив был мой папа, а после его ухода она ожила. Мы оба были в недоумении, но и в чудо были не готовы поверить.

Но был ещё один случай, который поставил меня в тупик. У моего сына Саши с рождения была сильная аллергия на мамино грудное молоко, по- видимому, потому, что мама тоже страдала часто от аллергии. Перебрав все имеющиеся молочные смеси, мы стали кормить его настоем отварного натурального овса, который мы покупали где-то в деревне. Бедный Саша, сначала отплёвывался от этой еды, но голод брал своё и постепенно он стал его пить из бутылочки через соску. Так, что первый год своей жизни он в основном рос на овсе. Аллергия постоянно его сопровождала, приходилось часто ограничивать его в выборе еды. Лет в пять у него началось резкое обострение, появились многочисленные волдыри, они очень чесались. Мы объехали многих врачей, побывали и в Медакадемии, которая недавно открылась в Ново-

сибирске. Никто не смог ему помочь. Это было начало девяностых, на телевидении появилось много нового для граждан бывшего СССР. Агрессивная реклама товаров и услуг, а уж знахарей и колдунов было тьма, просто как нашествие саранчи. И я от безысходности, записался на приём к одному из колдунов, обосновавшегося в Сельхоз академии. Приехали на приём, заходим. За одним столом сидит сестра, за другим мужчина сорока-пятидесяти лет приятной наружности. Он разрешил мне присутствовать, так как это было моим условием. Я попытался ему рассказать, что происходит с моим сыном, но он резко меня остановил, заявив, что это ему не нужно, он сам всё поймет и даже обнажать поражённые места ему тоже не нужно. Так в полном одеянии с невидимыми зонами поражения сын уселся перед ним. Это меня ещё больше насторожило. Все врачи, у которых мы бывали, обнажали ребёнка почти до гола. Сама процедура колдовства была настолько комично-сатирична, что я с трудом сдерживал свои эмоции. А колдун, раскачивая маятник перед Сашей, диктовал какие-то цифры сестре. Маятник, а это что-то вроде колокольчика на нитке, качался с разной амплитудой в разных местах перед Сашей. При этом он тихо шептал, а чаще произносил громко звуки вроде «тьфу и пшы» и стряхивал в сторону рукой, как бы капли воды с пальцев. Длилась эта комедия минут тридцать, после чего он сказал, что всё исправил и через два три дня у Саши всё пройдет. Сдерживая ухмылку и хохот, я расплатился, и мы уехали. Вечером Саше стало плохо. Между пальцев вздулись болезненные волдыри и сильно чесалось всё тело. Обеспокоенный состоянием сына, я уже поздно вечером позвонил колдуну, он сказал, что всё нормально и через один-два дня всё пройдет. Так и было. Через два дня Саше стало лучше, волдыри прошли, чесаться перестало. Но ещё через два дня стало опять хуже, мы поехали к этому чудыку. Он принял нас, помахал своим маятником и сильно удивился, говорит, что первый раз видит такой рецидив, но помахав ещё минут десять сказал, что всё исправил и выпроводил нас домой. Всё повторилось, но уже и у меня появились волдыри и зуд. Тут уж я заподозрил неладное и пошёл в свою Академовскую клинику к дерматологу. Студенческая чесотка, обрадовал меня врач. Выписанная им мазь сняла все симптомы и через два дня тело очистилось и у меня, и у Саши. Всё оказалось просто. Три недели тому назад у нас отключили горячую воду, и мы с Сашей поехали в общественную баню в посёлок Речкуновский, где благополучно заразились чесоткой (после моего посещения дерматолога, эту баню закрыли на профилактику). А вот как колдун боролся с чесоткой вызывает вопросы. Ведь воздействие на болезнь было явным и сильным, хотя чесоточные черви и победили в этой схватке с колдуном, но ведь воздействие было очень заметным, на пару дней всё проходило.

Приведу ещё один пример, в котором я был подопытным кроликом и всё прочувствовал на себе. Работал у меня в СКБ один парень, примерно сорока лет, Николай Шарапов. Кем он работал, даже я, его непосредственный начальник, точно сказать не могу. Он был многофункциональным, высококвалифицированным работником и мог, по моему мнению, выполнить всё что угодно. Характер у него был тот ещё, поэтому я ему выделил в производственном цехе отдельное небольшое помещение, и подчинялся он лично мне. Он мог отремонтировать телевизор, любой станок и работать на нём. Раньше он был алкоголиком, затем закодировался, развёлся с женой и жил отшельником. Когда я перешёл из СКБ в институт, он тоже уволился и его след потерялся. Однажды сижу в своём кабинете в ИТПМ с ужасной головной болью, стук в дверь и заходит Шарапов. Я не очень рад, мне не до него. Но он уверенно подходит ко мне и предлагает помочь снять головную боль. Я в ступоре... как он узнал о моей головной боли, как он меня нашёл. Он зашёл сзади, протянул свои ладони над моей головой, не прикасаясь к ней, и попросил не двигаться пару минут. Я почувствовал тепло исходящее от его рук и боль постепенно ушла. Мы сели рядом, на диван и он поведал мне свою историю. Лет десять назад перед ним во сне появилось нечто, он не видел это, но чувствовал, что кто-то перед ним и этот невидимка говорит ему, что он наделяет его способностью помогать людям:

- И всё, я проснулся. Ну сон и сон, подумал я и уснул. Но после этого сна со мной стали происходить странные вещи, я стал чувствовать состояние прохожих, их настроение, их эмоции, их злость или радость. А когда я протягивал к ним ладонями руки, то мог видеть контуры их внутренних органов. Меня это напугало, но одновременно и заинтересовало. Постепенно я понял, что могу ладонями видеть, не ясно, но видеть и не только вокруг себя, но и просвечивать внутрь человека. Иногда я этим даром пользуюсь, но очень редко и только в крайне необходимых случаях.

Он тут же продемонстрировал свои способности, просветив меня своими ладонями. Его диагноз выявленных болячек меня поразил. Он всё точно о них рассказал и предложил некоторые из них подлечить. От лечения я вежливо отказался, и мы вскоре расстались, тепло распрощавшись. А по поводу внезапного его появления у меня в кабинете, всё было просто. Он по делам был у нас в ИТПМ, проходя мимо моего кабинета почувствовал мою головную боль и узнал меня. Так что это было? И в первом и во втором и в третьем случае. Я не знаю, и моё неверие в чудеса под вопросом.

4. Этюды из научной биографии.

Гиперзвуковая труба.

1971 год. Работать мне посчастливилось в известном, одном из центров аэродинамики летательных аппаратов страны, Институте Теоретической и Прикладной Механики (ИТПМ СО АН СССР), под руководством выдающегося учёного Струминского Владимира Васильевича. После нескольких отмеченных Академиком моих работ, меня назначили начальником аэродинамической трубы Т-326. Это должна была быть гиперзвуковая установка до $M=15$ ($M = V/A$, где V – скорость полета, A – скорость звука). Дело осложнялось тем, что это была копия трубы ЦАГИ Т-126, и эта труба, уже много лет построенная в ЦАГИ, не хотела запускаться и выдавать гиперзвук. Мне, 25-летнему парню, предстояло сделать то, что пока не смогли сделать в ЦАГИ, несмотря на свой 50-летний опыт создания труб. Через год я трубу запустил, при этом я выкинул на свалку 80% железа трубы проекта ЦАГИ, стоимостью, примерно, 1000 “Запорожцев”, который я только что купил на заработанные в отпуске на “шабашке” деньги. Вместе с конструктором Григорьевым спроектировал и изготовил в нашем институтском опытном производстве новые подогреватель, форкамеру, сверхзвуковой диффузор, а трёхступенчатую систему эжекторов заменил на одноступенчатый, с перфорированным насадком, который имел рекордную степень сжатия 130. На то время это был мировой рекорд для одноступенчатых эжекторов. На самом деле подогревателей мы сделали даже два, один для сверхзвука омический, из нихромовых труб, как у трубы Т-314, а другой плазменный, для гиперзвука. Этот подогреватель обеспечивал, подогрев воздуха перед соплом до температуры более 1000 градусов. Изготовили сопло $M=16$ на опытном заводе СО АН методом гальванопластики. По сути от проекта ЦАГИ остались только камера Эйфеля, рабочая часть и выхлопной дозвуковой диффузор с камерой шумоглушения. После запуска трубы меня повесили на доску почёта, дали 25 рублей премии, выбрали в профком, приняли в члены КПСС и даже назначили председателем жилищной комиссии ИТПМ. Мне предстояло решать – кому дать, а кому не дать бесплатную квартиру (каждый год институт получал 15-20 новых квартир). Конечно это решение утверждала дирекция института.

Одними из самых интересных, по крайней мере для меня, были эксперименты на Т-326 по оптимизации аэродинамики гиперзвукового входа с космической орбиты в атмосферу активной зоны атомного реактора спутника, чтобы она полностью сгорела в атмосфере. Этот заказ мы получили после международного скандала, когда наш космический аппарат с ядер-

ной энергетической установкой при сходе с орбиты горел и разваливался на радиоактивные обломки прямо над Канадой.

Пока решал проблему с запуском гиперзвука, на досуге соорудил летающую по залу платформу (примерно 1м2). На ней я лихо летал по залу, оттолкнувшись ногой от пола. Это была наглядная реализация моего изобретения – многосоплового эжектора с невероятно высоким коэффициентом эжекции – около 50, то есть 1 кг сжатого воздуха из сети, увлекал еще 50 кг из атмосферы. Не смотря на эти опыты и теорию, которые я опубликовал в начале 70-ых годов, до сих пор не слышал о применении этого изобретения. А труба стала не только гиперзвуковой, её диапазон я расширил от малого сверхзвука $M = 2-3$ до $M = 16$. Насколько мне известно, таких универсальных, труб больше нигде нет.

Историческая справка:

Владимир Васильевич Струминский. Академик, корифей аэродинамики. Легенда советского авиастроения, человек, чьи расчёты трансзвуковых и гиперзвуковых течений позволили советским самолетам и ракетам преодолевать немислимые скоростные барьеры. Для меня академик Струминский — это прямая связь с высшим пилотажем научной мысли. Человек строжайшей внутренней дисциплины, чей мозг работал как безупречная ЭВМ. На его рабочем столе всегда царил идеальный порядок, а в формулах — строгая математическая красота. Струминский обладал редким даром видеть скрытую жизнь воздушных и газовых потоков там, где другие видели лишь хаос. Быть его сотрудником или соратником означало ежедневно сдавать экзамен на предельную точность. Он не прощал научной халтуры, но за тех, кто разделял его страсть к покорению гиперзвука, стоял горой.

Главный инженер СКБ.

1980 год. Кабинет Евгения Ивановича Шемякина в Новосибирском Академгородке всегда производил впечатление штаба, где принимаются решения планетарного масштаба. Масивные столы, заваленные чертежами, картами и отчётами, строгая тишина, нарушаемая лишь глухим тиканьем настенных часов.

Мне тридцать пять. Возраст, когда в советской академической среде ты ещё считаешься «молодым специалистом», которому положено внимательно слушать старших и годами ждать своей очереди. Но время тогда ускорилося до гиперзвуковых скоростей — холодная война требовала немедленных ответов.

Евгений Иванович сидел за столом, внимательно вглядываясь в лежащие перед ним бумаги. Когда я вошёл, он поднял на меня свой фирменный, насквозь видящий взгляд — взгляд человека, привыкшего рассчитывать траектории взрывов и движение тектонических плит. (Евгений Иванович хорошо меня знал, когда-то он работал завлабом в нашем институте)

— Проходи, Александр. Садись, — Шемякин указал на тяжёлый кожаный стул, напротив. Сняв очки, он потёр переносицу и заговорил своим спокойным, веским голосом, в котором не было ни капли чиновничьей суеты:

— Время поджигает, поэтому буду говорить прямо. Перед Академией партией и правительством поставлена жёсткая, срочная оборонная задача государственного значения. Сроки — «вчера». Нам необходимо создать принципиально новую структуру — Специальное Конструкторское Бюро Прикладной Геофизики (СКБ ПГ СО АН СССР). Директором назначен Алексей Тимофеевич Горбачёв, научными руководителями Академики Анатолий Семёнович Алексеев и Михаил Михайлович Лаврентьев, и у меня есть кандидатура на должность главного инженера и главного конструктора. Это ты.

В кабинете повисла звенящая тишина. Сказать, что я был ошарашен — не сказать ничего. Возглавить новое СКБ с нуля, отвечать за оборонный заказ перед ЦК и министерствами в тридцать пять лет?

— Евгений Иванович... — я на секунду замялся, подбирая слова. — Это колоссальная ответственность. Но у меня же нет опыта руководства структурами такого масштаба. Я учёный, инженер, экспериментатор. Но масштаб главного инженера и главного конструктора СКБ...

Шемякин мягко, но решительно перебил меня. Он подался вперед, положив свои крупные, по-сибирски основательные ладони на стол. В его глазах вспыхнул тот самый огонь, который заставлял министров и партийных боссов считаться с его мнением.

— Опыт — дело наживное, Александр. А вот характер и способность решать невыполнимые задачи — это либо есть, либо нет. Мне достаточно одного того факта, что ты запустил гиперзвуковую трубу. Ты поднял объект, который многие считали безнадёжным. Этот опыт — бесценен. Ты заставил работать самый сложный комплекс на пределе физических возможностей. Значит, укротишь и СКБ.

Он помолчал, давая мне осознать масштаб вызова, а затем добавил тише, но так, что мурашки побежали по коже:

— Стране нужны те, кто умеет ломать шаблоны и брать ответственность на себя. Назначать номенклатурного чиновника туда, где идёт штурм физики, я не буду. Мне нужен главный конструктор, который понимает, как металл ведёт себя на сверхскоростях. Ну что, Александр? Вектор понятен. Принимаешь вызов?

Я посмотрел на Шемякина, потом в окно, за которым шумел вековой сибирский бор Академгородка. В этот момент я отчётливо вспомнил двенадцатилетнего мальчишку на алтайском сеновале, запускающего модель из щепок, и семнадцатилетнего пацана, шагающего в пустоту из люка самолета. Вся моя жизнь была подготовкой к этому прыжку.

— Принимаю, Евгений Иванович, — ответил я, чувствуя, как внутри разворачивается знакомая ледяная пружина готовности к бою. — Когда приступить?

Шемякин удовлетворённо улыбнулся и пододвинул ко мне первую папку с грифом:

— Прямо сейчас. Начинай формировать команду.

Конечно, я не мог отказаться от такого предложения, хотя представления не имел, чем же мы будем заниматься. Познакомившись с секретными документами в первом отделе, я понял суть дела, а также то, что это задание суперсекретное, супердорогое и правительство не ограничивает наши траты и ресурсы. Но дело в том, что наличие денег еще ни о чем не говорило, а ресурсы выдавались Госпланом СССР по решению партии и правительства. Главное — это ресурсы, то есть “лимиты — на строительство, материалы, проектирование, фонд заработной платы, автомобили, станки и т.д., и т.п. Нам дали все: и деньги, сколько запросим, и лимиты на ресурсы, сколько осилим. По поводу тематики моей работы в СКБ ещё не пришло время её раскрывать, так как предложенные нами системы стоят на вооружении МО и сильно засекречены. Можно только отметить, что тематика СКБ являлась смежной с моей специальностью, полученной в КАИ.

Интересный и очень поучительный был для меня этот период жизни. За первые два-три месяца мы организовали 20 лабораторий по 20 научных сотрудников и конструкторов. Выдали всем задание. И работа пошла! Только результата никак не могли получить. Помог случай. Я на заседание очередного научного совета пригласил одного из “нестандартных” учёных СО АН — директора одного из СКБ (член. Кор. АН СССР — Войцеховского). После заседания он подошёл ко мне и сказал:

- Задача для меня интересная, я возьмусь, - но от денег и договора отказался, сказав: - сначала стулья, потом деньги.

Через несколько месяцев проблема им была принципиально решена. Денег мы ему выплатили копейки, а система, построенная на его принципиальных решениях, работает до сих пор и охраняет покой и мир наших руководителей государства...

После этого наша организация была расформирована и на её основе было создано СКБ ВТ СО АН СССР, в котором я остался работать на прежней должности.

Историческая справка:

Евгений Иванович Шемякин. Академик, вице-президент СО АН. Суть личности. Выдающийся ученый в области механики горных пород и взрыва, один из ключевых руководителей Академии наук СССР. Человек колоссального государственного масштаба, умевший совмещать фундаментальную науку с решением сложнейших оборонных и народнохозяйственных задач. В нём поражало редкое сочетание сибирской основательности (выходец из Новосибирского Академгородка) и безупречной столичной академической стати. Шемякин обладал умом глубокого стратега. На посту председателя ВАК СССР и вице-президента Академии он видел всю научную карту страны как на ладони. В общении с коллегами и молодыми учёными всегда оставался подчёркнуто уважительным, но его тихий, спокойный голос на заседаниях весил больше, чем громогласные речи чиновников. Он ценил в людях самостоятельность мышления и всегда поддерживал тех, кто шёл на передний край науки, пробивая бюрократические заслоны.

Небожители в спортзале.

1980 год. Если бы обычный советский гражданин заглянул в тот день в спортзал Дома учёных Новосибирского Академгородка, у него, наверное, случился бы разрыв шаблона. Большой зал, где обычно стучали мячи и скрипели кроссовки, был неузнаваем. Огромные столы, выставленные массивной буквой «П», буквально ломились от дефицитных закусок, сибирских разносолов и батарей элитного алкоголя. Это было не просто застолье — это было закрытое стратегическое совещание высшего руководства советской науки и оборонной промышленности.

Во главе стола, как грозный, но мудрый патриарх, восседал сам Президент Академии наук СССР Анатолий Петрович Александров. Его знаменитая, абсолютно лысая голова поблескивала под лампами спортзала, а из-под густых бровей струился взгляд, способный утвердить миллиардный проект или в секунду помножить на ноль чью-то научную карьеру.

Атмосфера в зале была уникальной. Вокруг столов сидели директора институтов Сибирского отделения — порядка сорока человек, цвет мировой науки, в основном академики с мировыми именами, лауреаты и орденоносцы. Но здесь, перед Александровым, все их заслуженные и не заслуженные авторитеты испарялись. По очереди они выходили к Президенту Академии и, к моему изумлению, выглядели как провинившиеся школьники, не выполнившие домашнее задание. Они сбивчиво, волнуясь, докладывали о выполнении планов, о задержках в экспериментах, о сорванных союзных графиках, а Анатолий Петрович слушал их, изредка вставляя свои фирменные, ироничные, но быющие наотмашь замечания.

Мне, тридцатипятилетнему главному конструктору, посчастливилось сидеть в самой гуще этого синклита небожителей. Моим соседом справа от меня по столу оказался сам Ефим Павлович Славский — легендарный «Великий Ефим», министр Среднего машиностроения, трижды Герой Соцтруда и хозяин всего атомного щита Империи, а слева не менее известный, более молодой заместитель министра (вскоре будущий министр) Общего машиностроения — Бакланов Олег Дмитриевич, под началом которого создавался ракетный щит СССР. Я вообще-то присутствовал на этом хурале совершенно случайно и не по рангу. Мой шеф, директор СКБ приболел и послал на своё место меня, строго-настрого наказав внимательно всё созерцать и слушать перипетии этого сверхвысокого совещания, чтобы досконально ему позже доложить все подробности. Мало того, я ещё и оказался за столом совершенно не в том месте, которое

мне предназначалось по рангу – не в самом конце стола, а почти рядом с Председателем и ведущим – Президентом АН СССР. Между нами сидел только великий Славский.

Перед самым началом, меня позвал к себе Шемякин, дал какое-то важное указание и отправил на место, но оно оказалось уже занято опоздавшим, одним из директоров-академиков. Он, чтобы не привлекать к себе внимание Председателя, скромно присел на моё место в самом дальнем конце стола около входа в спортзал. Не мог же я вытаскивать Академика со своего стула. Распорядитель зала увидев моё замешательство у занятого места, срочно вмешался и, недолго думая отвёл меня к единственно свободному месту – за стол Президиума собрания.

Пока академики бледнели у микрофона, Славский, которого все эти теоретические споры и оправдания директоров мало трогали, откровенно скучал. У него были свои, сугубо практические взгляды на жизнь и сибирское гостеприимство. Ефим Павлович то и дело тихо, почти шёпотом наклоняясь ко мне, шутливо комментировал поведение докладчиков и каждому тут же придумывал прозвище. Другой мой сосед слева, Бакланов, был настроен более серьёзно и тоже наклоняясь ко мне тихо шептал, указывая на запотевшую бутылку, что пора бы нам её распечатать, а то эти «одуванчики» ещё пару часов будут что-то мямлить, и нам нужно заняться более серьёзным делом, пока содержимое бутылок не перегрелось. Спросив моё имя и учитывая мой возраст, он обратился ко мне просто по имени:

— Так, Александр, ну-ка наливай, — вполголоса, но веско басил замминистра, пододвигая ко мне рюмку и беря в руку свою. — Хватит этих профессоров слушать, у них вечно всё «в процессе». Давай, подставляй свою. Однако я, понимая всю серьёзность момента и масштаб присутствующих, вежливо, но твердо отказывался поддерживать этот кавалерийский темп. От такого неповиновения он опешил. Наливать себе самому его статус не позволял, а нарушать свой главный закон — «один и не чокаясь не пью» — он не собирался. Когда я отказался поддержать его инициативу, сославшись, что я тут на службе, он понял это дословно и тут же спросил, к какой службе я отношусь, и что он тут же возьмёт у моего командира разрешение на приём мной алкоголя:

— Слушай, кто твой начальник, а? Назови мне его фамилию! Кто этот изверг, который тебе пить запрещает? Ты мне только скажи — я ему прямо сейчас такую кузькину мать покажу за издевательство над человеком, он у меня до конца дней чистые формулы без чернил писать будет!

Я едва сдерживал улыбку, косясь на сидевшего неподалеку Шемякина. Было неопишное удовольствие наблюдать, как всемогущий замминистра, перед которым трепетали закрытые города, готов был объявить войну моему руководству просто из-за того, что ему не с кем чокнуться за столом. В итоге Бакланов сидел, откровенно скучая перед пустой стопкой, но не выпуская меня из оборота. Он сурово хмурил брови и с чисто министерским пристрастием попытывался: - Так всё-таки, откуда ты – КГБ или ГРУ?

Мы так и сидели под приглушенный голос очередного оправдательного доклада перед столом Александрова. Славский ворчал, отправлял в рот кусок солёного груздя без водки и снова оборачивался к президиуму, где Президент АН СССР Александров в этот момент устраивал очередной разнос следующему академику. Я сидел между двумя полюсами этой великой системы и понимал, что именно на стыке этих характеров — жёстких, амбициозных, умеющих и требовать, и по-русски широко, с напором отдыхать — и держалась вся наша огромная держава.

Историческая справка:

Анатолий Петрович Александров — Президент АН СССР.

Великий физик, один из отцов советского атомного оружия, флота и энергетики. Интеллектуал с потрясающим чувством юмора, умудрявшийся сохранять внутреннюю свободу и академическое достоинство на самых вершинах власти.

Абсолютно лысая, ставшая легендарной голова, неизменная хитринка в глазах под густыми бровями и бесконечное обаяние. Александров сочетал в себе черты гениального учёного и мудрого русского мужика. Он мог на равных спорить в Политбюро, а через час с тем же увлечением и без тени высокомерия разбирать чертежи молодого сотрудника. В общении с ним поражал масштаб мышления: он видел развитие науки на десятилетия вперед. Его мягкий, но авторитетный голос мог остановить любую чиновничью глупость. Он олицетворял ту самую настоящую, «золотую» Академию наук, где ценилась мысль, а не ранг.

Ефим Павлович Славский Один из главных создателей советского атомного проекта, трижды Герой Социалистического Труда. Человек-глыба, руководивший «государством в государстве» (Минсредмашем) почти тридцать лет. От него веяло невероятной, почти первобытной физической и государственной силой (не зря в молодости он рубился в Первой конной армии Будённого). Славский не терпел мямлей и пустых докладов. Обладал уникальным качеством — умением мгновенно вникать в сложнейшие инженерные и физические проблемы, отсекая бюрократическую шелуху. Разговаривал жёстко, по-рабочему, но, если видел в молодом учёном или инженере искру, настоящую дерзость и готовность отвечать за результат — расширялся в лепёшку, выбивал любые ресурсы и прикрывал от любых проверок. Встреча с ним — это всегда был экзамен на профессиональную и мужскую зрелость.

Олег Дмитриевич Бакланов. Советский и российский государственный, партийный и хозяйственный деятель, один из руководителей ракетно-космической промышленности СССР. **Министр общего машиностроения СССР (1983–1988)** — ведомство руководило ракетно-космической отраслью. Руководил созданием ракетно-космического комплекса «Энергия — Буран», ракеты-носителя «Зенит», орбитальных станций «Салют-7» и «Мир». **Секретарь ЦК КПСС (1988–1991)** по вопросам оборонной промышленности. **Первый заместитель председателя Совета обороны СССР. Герой Социалистического Труда.** В августе 1991 года вошёл в состав Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). После провала выступления комитета был арестован, содержался под стражей, в 1994 году амнистирован Государственной Думой.

Международный протокол

Май 1978 года. Новосибирский Академгородок стоял на ушах и вибрировал от напряжения. Сибирское отделение АН СССР готовилось к событию планетарного масштаба — визиту президента Мексики Хосе Лопеса Портильо. Номенклатурная машина работала на пределе возможностей, вылизывая каждый сантиметр гостевого маршрута.

Огромный спортзал Дома учёных на время превратился в парадную залу для торжественного приёма. Зрелище было монументальным: посреди зала высились бесконечные столы, выстроенные в гигантскую, безупречно ровную букву «Т». Вокруг них, словно солдаты на параде, теснились сотни парадных стульев. Высокие гости и партийные чиновники ещё томились где-то на официальных мероприятиях, но здесь всё уже дышало звенящим, парадным предвкушением. Воздух казался наэлектризованным от важности момента.

Движимый чистым научным любопытством и лёгким обывательским азартом, я заглянул в зал — просто поглазеть на этот триумф советского гостеприимства. Оценив размах, я уже развернулся, чтобы тихонько выскользнуть обратно, как вдруг тяжёлые дубовые двери с грохотом распахнулись. В зал, чеканя шаг так, что задрожали оконные стёкла, маршем вошли два невероятно колоритных персонажа. Это, похоже, были мексиканские офицеры из личной гвардии президента. Их парадные мундиры слепили глаза: обилие золотого шитья, аксельбанты, огромные начищенные бляхи и фуражки с высокими тульями. Они шагали, широко и утрированно размахивая руками, словно двигались на параде в Мехико.

Подойдя ко мне вплотную, вожак этого кавалерийского дуэта оглушительно топнул подкованным сапогом о паркет. Звук пошёл гулять эхом по высоким сводам спортзала. Офицер

вытянулся струной и выдал в меня пулемётную, гортанную тираду на испанском, яростно сверкая чёрными глазами.

Я замер, растерянно моргая. Испанским я, разумеется, владел на уровне абсолютного нуля. Поняв, что сибирский учёный не понимает языка Сервантеса, суровый гвардеец перешёл к языку жестов. Он решительно зашагал к столам, требовательно обвёл рукой ряды стульев и, глядя на меня со смесью надежды и военной суровости, громогласно прогорланил на весь пустой зал:

— **PREZIDENT?!**

Ага! Ну, это слово в переводе не нужно. Службе безопасности требовалось немедленно выставить караул у священного места, где будет восседать охраняемый объект. В эту секунду во мне проснулся дух всесоюзного озорства. Терять было нечего. Я с самым серьёзным и ответственным видом подошёл к одному из стульев примерно в центре стола, уверенно ткнул в него указательным пальцем и, подражая армейскому баритону мексиканца, бодро оттрапоровал:

— **ПРЕЗИДЕНТ!**

Реакция последовала незамедлительно, словно сработал скрытый пружинный механизм. Офицеры синхронно, с глухим щелчком вытянулись во фрунт по обе стороны от несчастного стула. Их лица мгновенно превратились в суровые посмертные маски, а руки легли на портупей. Всё, они вросли в этот паркет. Своё боевое задание по охране ключевой точки они посчитали выполненным на отлично.

Я счёл за лучшее осторожно отступить в тень кулис и понаблюдать за развитием этой мизансцены. Ждать пришлось недолго.

Минут через пять в зал пулей влетел бледный, взмыленный чиновник из иностранного отдела Президиума СО АН. В руках он сжимал заветную папку с протоколом. Переведя дух, он поднял глаза и... осёкся. Увидев увенчанный золочёными гвардейцами стул, несчастный бюрократ схватился за сердце. Судя по тому, как краска отлила от его лица, по тщательно выверенной, согласованной во всех инстанциях и КГБ схеме рассадки, президент Мексики должен был сидеть вообще на другом конце стола!

Чиновник подбежал к военным и начал отчаянно, по-птичьи жестикулировать. Он указывал вглубь зала, пытался буквально телом оттеснить их к «правильному», номенклатурному стулу, что-то шептал про регламент и МИД. Но не тут-то было. Мексиканские гвардейцы стояли за спинкой «моего» стула как неприступные гранитные скалы. Кордон был выставлен. На любые уговоры, призывы к логике и международному этикету они отвечали каменным, презрительным молчанием, глядя куда-то поверх облысевшей головы чиновника. Для этих горячих парней честное слово и мой палец советского специалиста оказались высшим законом, не подлежащим сомнению.

В зале началась скрытая, но паническая суeta. Поняв, что сдвинуть латиноамериканскую гвардию можно только с помощью подъёмного крана, чиновники иностранного отдела приняли единственное возможное решение — капитулировать. И начали на ходу, трясущимися руками перекраивать всю генеральную схему рассадки высокопоставленных гостей.

На столах, как в безумном казино, бешено замелькали именные таблички. Стулья спешно переставлялись, столовые приборы с хрустальным звоном перемещались с места на место. Ответственные лица бледнели, потели и ежесекундно сверялись с часами, молясь всем богам академии, чтобы правительственная кавалькада застряла где-нибудь по дороге. Весь многонедельный труд протокольного отдела полетел в тартарары из-за одного короткого диалога.

Глядя на этот суматошный, панический балет, я понял, что моя научно-дипломатическая миссия здесь окончательно и триумфально завершена. Развернувшись, я тихонько, на цыпоч-

ках и с чувством глубочайшего удовлетворения удалился через боковой выход. Международные отношения Сибири и Латинской Америки были скорректированы в лучшую сторону.

Таракан Марчука.

1980 год. Советский сервис для высшей номенклатурной элиты всегда считался эталоном закрытого распределения: спецснабжение, белоснежные скатерти, вышколенные официанты, крахмальные салфетки. Банкетный зал ресторана Дома Учёных Новосибирского Академгородка был именно таким местом — святая святых, куда обычным смертным ход был заказан.

Я иногда, по чисто служебной надобности, обедал именно в этом зале, где стоял только один большой стол на 16 персон, а вот остальные присутствующие за столом были здешними завсегдатаями, вершителями наших судеб. Компания за этим столом была переменная, но всегда собиралась монументальная. В этот раз: Первый секретарь райкома партии, четыре или пять маститых директоров-академиков и сам Гурий Иванович Марчук — тогдашний Председатель Сибирского отделения АН СССР, фигура союзного масштаба.

Обед подходил к концу. Шёл ленивый, сытый разговор почти ни о чём. Точнее, о том, о чём могли говорить люди такого ранга. Неспешные, подспудные разговоры о кадровых перестановках в Москве, обсуждались высшие партийные и академические сплетни: кого снимут, кого передвинут, кто в Политбюро усилил позиции, а кто попал в опалу. Когда за столом присутствовал Аганбегян, разговор как правило переходил на политэкономическую тему, и тогда можно было услышать довольно резкие и оригинальные высказывания. Я помалкивал, внимательно слушая эту изнанку большой политики. Официанты уже подали кофе в изящных фарфоровых чашках. Атмосфера была максимально респектабельной. Гурий Иванович, продолжая что-то веско говорить коллегам, машинально помешивал свой напиток изящной серебряной ложечкой.

И вдруг наступила секундная пауза. Я сидел достаточно близко и краем глаза заметил, как движение ложечки Марчука замерло. Он аккуратно подцепил что-то со дна чашки и неспешно, с чисто академическим интересом и ледяным спокойствием, поднял ложку над фарфоровым краем. На серебряной глади, поблескивая в лучах люстры Дома Учёных, восседал... упитанный, классический рыжий таракан. Кажется, он даже слегка шевелил усами, ошалев от элитной партийной арабики.

В этот момент за столом без всякой команды прервались все разговоры о Политбюро. Воцарилась монументальная, звенящая тишина. Первый секретарь райкома партии замер с поднесенной к губам чашкой. Академики уставились на ложку Марчука, словно он только что продемонстрировал им неизвестный науке изотоп. Весь этот хваленый советский номенклатурный сервис, спецснабжение и величие Империи в секунду разбились о суровую реальность обычного советского общепита, который умудрился пролезть даже через закрытые двери банкетного зала.

Самое поразительное — это то, как повёл себя Марчук. Как истинный сибирский учёный, он не стал устраивать скандал, не закричал на официантов и не грозил никому партбилетом. С абсолютным, монументальным спокойствием он положил серебряную ложечку с притихшим тараканом на блюдечко. Затем негромко подозвал оцепеневшую застывшую в ужасе официантку и, не меняя вежливого выражения лица, невозмутимо произнес:

— Пожалуйста, принесите другого кофе. Но только без начинки...

Официантка, бледная как полотно, подхватила чашку и буквально испарилась из зала. Первый секретарь райкома шумно выдохнул, академики переглянулись, и разговор о кремлевских интригах возобновился с того же места, будто ничего не произошло. Но этот «советский нюанс» на серебряной ложке навсегда остался для меня ярчайшим свидетельством того, что никакие закрытые распределители не могли полностью изолировать элиту от абсурда и изъянов великой бытовой системы уходящего СССР.

Модуль, да не тот

1982 год. - В связи с вышеизложенным, предлагаю: за несогласованное и неправомерное вмешательство в процесс строительства модульного здания, повлекшее серьёзные конструктивные изменения в проектную документацию и строящееся здание, главному инженеру СКБ ПГ СО АН СССР Омелаеву А.И. объявить выговор, рассмотреть соответствие его должности, и материалы проверки передать в прокуратуру для принятия соответствующих мер уголовного наказания. Строительство объекта приостановить до возвращения его конструкции к проектному состоянию. В случае выявления превышения затрат на строительство выше сметной документации привлечь Омелаева А.И. к уголовной ответственности...

Таковыми предложениями закончил свою речь на заседании Президиума СО АН СССР начальник УКСа (Управление Капитального Строительства) Академгородка, Новосибирска. Ведущий заседание Академик, заместитель Председателя СО АН Евгений Иванович Шемякин прервал выступавшего:

- Не будем торопиться, создадим комиссию, она изучит вопрос, доложит руководству и после этого мы в рабочем порядке примем решение...

А что же произошло на самом деле? За неделю до этого заседания, сотрудники проектного отдела УКСа, при очередной рутинной проверке хода строительства нашего нового здания СКБ, выявили, что площадь модульного здания вместо 900 по проекту, в реальности выходила 1300 квадратных метров. Таких чудес в СССР не бывало, обычно было наоборот: строили 1300, а получалось 900. Этот результат проверки настолько поразил начальника УКСа, что он лично приехал и в моём присутствии замерил размеры, перемножил столбиком у себя в тетрадке полученные цифры и не поверил собственным глазам, площадь здания действительно, вместо проектных 900, получалась 1296 квадратных метров. Заикаясь от возмущения, высказал «строительным языком» всё, что он обо мне думает. (мне тогда было 37 лет, а ему за 60) Мне он и слова не дал сказать, сел в чёрную Волгу и укатил...

Наше новорожденное СКБ росло и развивалось стремительно, но мы сразу упёрлись в жестокий дефицит площадей. Катастрофически не хватало помещений под лаборатории, стенды и чертёжные столы. Понимая, что академические инстанции будут согласовывать расширение годами, я в своём привычном режиме автономного тарана вылетел в Москву, к Г.И. Марчуку и в Минсредмаш.

Пробив, с помощью Гурия Ивановича через ведомство Славского все заслоны, я совершил почти чудо — выбил лимиты и фонды на дефицитный быстровозводимый спецмодуль площадью **900 квадратных метров**. Но самое интересное началось, когда я познакомился с проектировщиками.

Один молодой, талантливый конструктор Средмаша, у которого так же горели глаза, по секрету показал мне свои чертежи. Он разработал революционную модификацию этого модуля: если немного изменить инженерную логику сборки, то из тех же самых стандартных элементов, без единой копейки перерасхода, можно было собрать конструкцию площадью **1300 квадратных метров**! На четыреста метров больше чистой полезной площади из того же объема металла!

Но была проблема. По советским законам, этот проект считался экспериментальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.